* * *

Снежные метели отзвенели,
Отскрипел морозом шар земной,
Снова небеса заголубели
И нависли детством надо мной.

Снова вижу: после долгой спячки
Почками вскипают тополя.
И дымится от лучей горячих
Влагой напоённая земля.

День, другой... – и гром разбудит поле,
И пройдёт широкою волной.
Воздух вздрогнет.
По всему предгорью
Зазвучит натянутой струной.

Даль качнётся.
И с крутых отрогов
Вниз спадут последние ручьи.
В новый мир откроются дороги –
Удивляйся! Радуйся! Живи!

* * *

Виднеются горы, туманится речка,
На травах искрится роса.
Шагаю по склону. Идёт мне навстречу
Берёз молодых полоса.

Июньские травы расстелены шалью,
В лицо дышит ранний свежак...
Гляжу зачарованно в чистые дали,
И сердце волнуется так,

Что каждую веточку в солнечном звоне
И каждую птаху в лесу
Готов я поднять на широких ладонях
И долго держать на весу.

Чем выше по склону – тем больше простора...
В глубины его загляну.
И там, в глубине, позабуду про город,
В котором случайно живу.

* * *

Память зрелого сердца –
Свет зари на снегу...
Я бегу вслед за детством,
А догнать не могу.

Звёзды падают с неба,
Отражаясь в глазах...
Привкус чёрствого хлеба
До сих пор на губах...

Я бегу по ухабам
Полугол, полубос,
В ту страну, где когда-то
Безотцовщиной рос,

Где у детской кроватки,
У слепого огня,
Молодая солдатка –
Мать кормила меня.

Берегла, как умела,
Осеняя крестом...
Её боль, её веру
Я впитал с молоком...

И чем дальше от детства,
Как могу, берегу
Память зрелого сердца –
Свет зари на снегу.

* * *

Прикоснусь к утраченному детству –
В глубину колодца загляну.
И внимая памяти как средству,
Трону в сердце страждущем струну.

Оживут надломленные дали.
Речка-синь в плену у ивняка.

И предтеча грусти и печали –
В небе кучевые облака.

Встанут в рост распахнутые сёла
В светлом окружении берёз.
И в глуши затерянный посёлок,
Обречённый временем под снос...

Вспомнятся и жатвы, и покосы,
И следы порушенных могил...
На лесных дорогах – скрип колёсный,
Над степными – коршунов круги.

Отчий домик с глиняной трубою,
От забот стареющая мать...
И подкатит к горлу вдруг такое,
С чем твоей душе не совладать.

Не унять ни трепета, ни дрожи.
Слез не удержать, не одолеть...
Знать, и вправду не умел прохожим
С детства быть я на своей земле.

КАТУНЬ ГРУСТИТ...

Который год сады бушуют в Сростках,
Который год девчат пьянит весна.
И лишь одна, с зеленою прической,
Грустит Катунь – подруга Шукшина.

На перекатах, где поют закаты,
Катунь-река зазывно горяча.
Здесь он любил наедине когда-то
Послушать шум, подумать, помолчать...

И вдаль глядеть, переполняясь синью,
И видеть «атаманово плечо»...
Пред ним вставала вся его Россия
С московским говорком, с сибирским «Чё!?»

И шум реки, и трубный голос неба,
Что резал над горами тишину...
Всё в нём жило.
Всё сердцем он изведал.
Теперь Катунь грустит по Шукшину.